

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 7 (1110).

Суббота, 16 декабря 1944 г.

Цена 45 коп.

1 стр. К двадцатилетию Советской Туркмении. А. Аборский. Народный шахир Ата Салих. Берды Кербабев Туркменская литература. Дурды Халдурды. Потомки батыров (стихи). Кара Сейталиев. Ашхабад (стихи). Информация. Писатель на фронте. Смотр фронтовых театров.

3 стр. Образ советского офицера в художественной литературе 1944 года. Л. Субоцкий. Преодоление шаблона. П. Федоров. Творческая инициатива. В. Шкловский. Стенограмма или образ. В. Перцов. Характер героя. Н. Тихонов. О двух повестях.

4 стр. Библиография. Мих. Голлудый. «У Камы». Мих. Никитин. «Отчий дом». Беседа с польским поэтом М. Яструн. Информация. Будущие книги. Новые номера журналов.

Связь литератур

Вопросы перевода художественной книги на язык братских народов никогда не снимались с повестки дня. Мы неизменно интересовались полнотой и верностью перевода; требовали от переводческих кадров знания языка, с которого переводят; мы боролись с обезличкой, которая обедняет при обработке подстрочника, обедняет либо упрощением, либо украшательством.

На этот раз мы остановимся только на вопросе о переводах книг с русского языка на язык братских народов. В последние годы, в том числе годы войны, впервые на ряде языков появились учебники литературы, и в эти же годы в нескольких республиках открылись филиалы Академии наук, а при филиалах — институты языка и письменности, открывавшие новые сокровища народного многовекового творчества, серьезно разрабатывавшие проблемы языка, выпускавшие словари и т. д. Все эти явления говорят о том, что перевод книг с русского уже не находится без присмотра. И, следовательно, уже можно говорить о том, как принят каждый перевод художественной книги в любом народе.

кавказские языки, то на украинском по-прежнему и «Хаджи-Мурат», и «Детство, отрочество и юность», и «Анна Каренина», и «Война и мир». Точно так же по всем ступеням литературной развитости разобраны и Лермонтов и Тургенев. При выборе книг для перевода определяются оттенки силы, а не только вкуса, разных языков.

Трудно переоценить значение переводов произведений современной советской литературы. Социалистическая идеология этой литературы, воплощенная в лучших ее произведениях переводом опыта советского народа, его моральной силы и красоты открывают доступ этим произведениям к сердцу читателей всех языков великой семьи наших народов. А общение писателей наших республик, пристальное изучение ими всего русского, что создано товарищами по профессии — разве не открывает это путь к совершенству в трудном и ответственном деле изображения великой нашей эпохи? Взаимочувствование наших братских литератур, умение видеть в обиход своего народа идею и образы, созданные братским народом, — непереносимое условие роста нашей многонациональной литературы. В частности, все лучшее, что создано литературой Отечественной войны и в прозе и в поэзии, необходимо сделать достоянием возможно большего количества народов нашей страны. Здесь нетерпима инертность, непростительна равнодушие и обезличенность.

Народный шахир Ата Салих

Пусть железный не расторгнет круг... Пусть не вырвется из наших рук фашист...

В двадцати километрах на юг от древнего города Мерва, нынешнего Мары, на берегу, круто спадшем к Мургабу, стоит новый глинобитный домик. Его строили колхозники в подарок народному поэту.

Ата Салих — поэт-агитатор в самом точном, высоком смысле слова. Где бы он ни был, — на хлопчатнике, когда девушка убирает урожай, или в гостях у друга, — везде Ата Салих ведет беседу, читает стихи, разъясняет сегодняшнюю ситуацию. Информацию. Действие его слов на массы огромно. Недаром поэта так уважают и ценят партийное руководство области и района. Недаром он — почетнейший участник всех крупных колхозных «гоев» (народных празднеств).

К двадцатилетию Советской Туркмении

Дурды Халдурды Потомки батыров

Сыны Довлет Яра мы, Юсупа и Кер-Оглы. В гнезде Кеймир-Кера мы, Вскормленные им орлы. Мы тигры Черных песков, Мы львы магорных высот. Страницу вписал кланком. В историю наш народ.

Кара Сейталиев Ашхабад

В огне — он, как сын земли, В воде — точно брат с волей. В небе — что крылат, В степи — что ветер, скор, В атаке — под ним Гыр-Ар?, И враг раздален и стерт.

Берды Кербабев Туркменская литература

В дни, когда туркменский народ отмечает 20-ю годовщину существования своей республики, мы оглядываемся на тот путь, какой Советский Туркменистан, рука об руку со своими братьями, прошел за последние десятилетия. Рост богатства и культуры, самоотверженный труд дехкан и рабочих Туркмении, героическая борьба сынов туркменского народа с немецко-фашистскими захватчиками, посвятившими на чужбине и независимость нашей родины, — такими основными этапами, определяющими жизнь республики за истекшие 20 лет.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении художника Ильина Н. В. Орденом Трудового Красного Знамени

За выдающиеся заслуги в деле художественного оформления книги, в связи с 50-летием со дня рождения, награждать художника Ильина Николая Васильевича орденом Трудового Красного Знамени.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении академика Орлова А. С. Орденом Трудового Красного Знамени

За выдающиеся заслуги в области исследования истории русской литературы и особенно в деле изучения древне-русских литературных памятников награждать академика Орлова Александра Сергеевича орденом Трудового Красного Знамени.

К 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова

В связи с исполняющимся 15 января 1945 года 150-летием со дня рождения великого русского писателя Александра Сергеевича Грибоедова Совнарком СССР учредил Всесоюзный Комитет по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Грибоедова в следующем составе: Леонов Л. М. (председатель), Барбурев (Варес) И., Вурган Самед, Герасимов А. М., Гулям Гафур, Егоян А. М., Иванов В. В., Исаакян А. С., Качалов В. И., Корнейчук А. Е., Лансер Е. В., Леонидзе Г. Н., Лыньков М. Т., Михайлов Н. А., Моск-

Театры Ашхабада к двадцатилетию Туркменской республики

АШХАБАД. (От наш. корр.). Туркменский государственный театр им. Сталина готовит к двадцатилетию республики историческую драму Ходжа Шукрора «Хорезм». Премьеру пьесы В. Кербабьева «Братья» покажут в день годовщины русской театральной революции. В «Братьях» изображено участие туркмен в Отечественной войне, сегодняшний быт Туркмении, работы дехкан в тылу.

«Туркменистан за 20 лет»

АШХАБАД. (От наш. корр.). В ашхабадском «Художественном» кинотеатре открыта юбилейная выставка «Туркменистан за 20 лет». На выставке широко представлены: сельское хозяйство, промышленности, а также достижения республики в области культуры. Специальные разделы отведены искусству Советского Туркменистана, где показаны живопись, театр, ковроведение, прикладные искусства. На стендах печати и книгоиздательства — портреты писателей и народных шахиров Туркмении и их книги.

Писатель на фронте

На нашем участке фронта выходят газеты не только на русском, но и на других языках братских народов нашей страны. В газете «За честь родины» печатают свои стихи, песни, рассказы, очерки, отрывки из пьес А. Безъязыцкий, И. Френкель, А. Шаров, Н. Грибачев, М. Яновский, В. Смирнов, Л. Выщеславский, И. Котляров. В газете «За честь батальонных» работают украинские писатели Л. Дантерко, А. Малышко, С. Сяклевич в татарской газете — Р. Ишмурадов, М. Садри, в узбекской — Шамсудин Шамсудинов полблизкие «тигра». О нем точно же написали стихи А. Безъязыцкий. Также в стихах неумедленно были описаны подвиги танкиста Удалова, артиллериста Макеева, пулеметчика Махоткина, получивших впоследствии звание Героя Советского Союза. Большим успехом у читателей пользуются очерки, рассказы, корреспонденции писателей А. Шарова и А. Малышко. Редакция газет часто получает на опубликование произведения отклики от фронтовиков. Писателю «России», свыше тысячи строк, написал поэт Н. Грибачев. Она печаталась в трех номерах ежедневной красноармейской газеты «Боевой товарищ». Поэма приобрела в частях большую популярность. Нередко на привалах, на концертах красноармейской самодеятельности можно услышать отрывки из этой поэмы. Строки поэмы переключаются с думами и мыслями воинов о своей любимой матери родине.

Смотр фронтовых театров

Смотр фронтовых театров, открывшийся 11 декабря в Московском Доме актёра, привлекает обширную аудиторию. Девять коллективов, выступающих на смотре, работают на фронте с первых дней войны. Из сообщений, которые делаются перед каждым спектаклем, зрители знакомятся с работой данного театра в частях Действующей армии. Об этом же подробно рассказывает и выставка, развернутая в фойе Дома актёра. Смотр открылся комедией-обозрением «Где-то в Москве» в исполнении фронтового филармонического театра ВТО и отрывки из спектаклей «Фронт Скабеев» и «Вспышка солдата Шайба» в постановке 1-го фронтового театра ВТО. Вчера на смотре выступил фронтовой филармонический театр, показав «Не в свои сани не садись» Островского. Сегодня идет спектакль фронтового театра Таджикистана СССР, завоевавшего большую популярность у фронтового зрителя. «Салом, друзья!» — называется представление таджикского коллектива. Смотр закончился завтра, 17 декабря, выступлением фронтового драматического театра под руководством И. Раевского. 18 декабря во Всероссийском театральном обществе открывается конференция, посвященная итогам смотра.

Туркменская литература

других жанров и форм, отсутствовавших у нас вплоть до Октябрьской революции. Попережнему большинство наших товарищей работают в области поэзии. Среди них надо назвать Дурды Халдурды, который до войны был известным читателем, главным образом, как переводчик и в последние годы дал ряд талантливых оригинальных произведений. Поэт сам Ата на фронте. Команда пулеметным взводом, он дрался с немцами на захватчиках на Северном Кавказе, на Кубани и вернулся в Туркмению, раненый в бою под Красноводком. Опыт войны, ее трагизм, ее грозное величие ярко отразились в поэзии Халдурды, сообщая ей глубину и значительность.

Писатели, поэты и народные шахир Туркмении воспитаны на идеях Ленина и Сталина. Творчество лучших представителей литературы, сохраняя все специфически туркменское, по своему содержанию является типичным образцом нового, советского искусства. Поэтому не случайно стихи нашего шахира Ата Салиха по тематике и произведениям современных русских поэтов. Их роднит чувство единой семьи, общность жизненных интересов, общее настоящее и будущее. Преодолевая литературу старой Туркмении — литературу патристическую. Наши великие классики, поэты Махтумкули, Сеиди, Молла Ненес, Шабдене, Кемине, Зелели, Шейдан и Марури — все они горячо любили родину и посвящали ей лучшие порывы своей души и лучшие песни. Древнейший типичный туркменский эпос — «Гордук Ата» — туркменский эпос «Кер-Оглы» и бесчисленные образцы туркменского фольклора также насыщены патристическими мотивами.

Родина для туркмена — прежде всего. Старая пословица гласит: «Разлученный с возлюбленной плачет семь лет, разлученный с родиной плачет до смерти. Землю своей страны, родной аул особенно ценит и любит всем сердцем тот, кому приходится иметь дело с врагами, кто вместе со своим народом страдал и пережил тяжелые испытания. Великий Махтумкули полтора столетия назад сказал:

Если озеро летний не вывет зной, Мало ценит кулик свой рай водной; Кто весь век за чужью ездил стинной, Там ему удиль, — что в них смелит он? И чье зинья зад почил не полухит, Чьям под вражьем ярмом не дробилт окул, Тот не знает, как дорог отчий аул; Мир родного улуу, что в нем смелит он? (Перевел М. Тарловский.)

Восприимчивая традиция своих классиков и народного искусства, мы также использовали опыт братских литератур и в первую очередь великой русской литературы. Пушкин и Толстой, Горький и Маяковский стали понятиями и близкими туркменам так же, как близок ему Махтумкули. Для нас писателей, лучшей школой стали русские классики и переводная литература советской России. Их плодотворному влиянию мы обязаны возникновением Туркменистане поэмы, драматургии и ряда

дела награжден орденами «Отечественной войны 1-й степени», Красной Звезды и двумя медалями. На фронте — Пома Нурберды и Рухи Алиев. Несмотря на трудности походной жизни, они не прекращают литературной работы. В журналах, альманахах и в газетах Туркмении мы постоянно встречаем их имена наряду с именами писателей, работающих в тылу.

В Карелии, на Кольском Севере воевал и закончил героический подвиг своей жизни Шали Кеклюлов. Уроженец солнечной степи, проживший почти беззащитно тридцать пять лет в Ашхабаде, он воспевал в своих стихах то, что любил и ближе всего знал, — родной Туркменистан. На фронте недалеко до своей гибели Шали Кеклюлов написал небольшую замечательную поэму — «В Карельском лесу». Эта поэма была послана писателю в Ашхабад. За годы советской власти в Туркмению стали появляться поэты и драматурги. Этих жанров классики наши не знали, и в этой области пришлось все создавать заново. Первые рассказы и очерки, которые можно рассматривать, как художественные произведения, появились лет пятнадцать назад. Перед войной Туркмения имела уже свои оригинальные повести и романы. За время Отечественной войны написано много очерков и рассказов и несколько крупных произведений художественной прозы. Успешно работал Ата Каушуров, автор ряда произведений и, в частности, романа «Пермяк», целиком еще не опубликованного, и романа «Мехри и Вела», написанного на материале вышедшей военной действительности. Незадолго до войны удачно выступил наш талантливый новеллист Нурият Саркышова в Саркышове на фронте. В его первых, самобытных рассказах справедливо видят влияние чеховской формы.

Мы не без гордости отмечаем тот факт, что театры Ашхабада, Мары, Чарджуу, Ташауа и других городов Туркмении в основном работают на развлекательном уровне нашими драматургами и отражающей жизнь туркменского народа, его многовековую историю и героизм. В числе авторов туркменских пьес пользуются известностью: Караджа Вурнуца, автор героической драмы «Кейсир Кер», Базар Аманов, Тоушан Эсенова, молодые драматурги Г. Мухтаров и Б. Пуриев и недавно умерший Ходжа Шукрор, автор пьесы «Хорезм».

Берды Кербабев председатель правления Союза советских писателей Туркмении, заслуженный деятель искусств Туркменской ССР.

Смотр фронтовых театров

Смотр фронтовых театров, открывшийся 11 декабря в Московском Доме актёра, привлекает обширную аудиторию. Девять коллективов, выступающих на смотре, работают на фронте с первых дней войны. Из сообщений, которые делаются перед каждым спектаклем, зрители знакомятся с работой данного театра в частях Действующей армии. Об этом же подробно рассказывает и выставка, развернутая в фойе Дома актёра. Смотр открылся комедией-обозрением «Где-то в Москве» в исполнении фронтового филармонического театра ВТО и отрывки из спектаклей «Фронт Скабеев» и «Вспышка солдата Шайба» в постановке 1-го фронтового театра ВТО. Вчера на смотре выступил фронтовой филармонический театр, показав «Не в свои сани не садись» Островского. Сегодня идет спектакль фронтового театра Таджикистана СССР, завоевавшего большую популярность у фронтового зрителя. «Салом, друзья!» — называется представление таджикского коллектива. Смотр закончился завтра, 17 декабря, выступлением фронтового драматического театра под руководством И. Раевского. 18 декабря во Всероссийском театральном обществе открывается конференция, посвященная итогам смотра.

Писатель на фронте

На нашем участке фронта выходят газеты не только на русском, но и на других языках братских народов нашей страны. В газете «За честь родины» печатают свои стихи, песни, рассказы, очерки, отрывки из пьес А. Безъязыцкий, И. Френкель, А. Шаров, Н. Грибачев, М. Яновский, В. Смирнов, Л. Выщеславский, И. Котляров. В газете «За честь батальонных» работают украинские писатели Л. Дантерко, А. Малышко, С. Сяклевич в татарской газете — Р. Ишмурадов, М. Садри, в узбекской — Шамсудин Шамсудинов полблизкие «тигра». О нем точно же написали стихи А. Безъязыцкий. Также в стихах неумедленно были описаны подвиги танкиста Удалова, артиллериста Макеева, пулеметчика Махоткина, получивших впоследствии звание Героя Советского Союза. Большим успехом у читателей пользуются очерки, рассказы, корреспонденции писателей А. Шарова и А. Малышко. Редакция газет часто получает на опубликование произведения отклики от фронтовиков. Писателю «России», свыше тысячи строк, написал поэт Н. Грибачев. Она печаталась в трех номерах ежедневной красноармейской газеты «Боевой товарищ». Поэма приобрела в частях большую популярность. Нередко на привалах, на концертах красноармейской самодеятельности можно услышать отрывки из этой поэмы. Строки поэмы переключаются с думами и мыслями воинов о своей любимой матери родине.

... Но есть еще одна снитая снад. Она меня любовлю осеняла. Глазослезины дала снад, Глазослезины дала снад. Не женщина, не смертная. — Россия — Великое отечество мое...

Писатели-фронтовики работают также над произведениями, которые не предназначены для красноармейской газеты, но отражают опыт участников Отечественной войны. действительная армия. (наш корр.). В газете «В бой за родину» работает большая группа ленинградских писателей. Г. Холотов написал книгу рассказов, В. Рожественский, систематически печатающий свои стихи в газете, заканчивает книгу воспоминаний о Горьком, которую к печати в журнале «Звезда». В. Заволжиков подготовил к печати книгу стихов «Под знаменем гвардейских знамен». Часть из них была напечатана во фронтовой газете. Книгу стихов собрал и Б. Кежун. В качестве лектора работает на Карельском фронте критик Ф. Левин. Его лекции об образе русского офицера в классической литературе, о Максиме Горьком, о Маяковском очень популярны у бойцов Любимово-Борокской группировки фронтовой юмор М. Эшли. действительная армия. (наш корр.).

Книга в эфире

За двадцать лет моей работы на радио я прочитал в микрофона чуть ли не целую библиотеку — русскую и зарубежную классику, произведения современ...

Есть авторы очень «радиогеничны». Таков, например, Гоголь, — слово его необычайно музыкально, «осезательно». Широка и богата, напевность его языка...

Как это ни парадоксально, но замечательный сатирик Салтыков-Щедрин оказался труден для исполнения по радио. Его насыщенные философской мыслью фразы...

Очень «радиогеничны» А. Чехов, Марк Тван, Мопассан, О.Генри, некоторые вещи А. Франса.

По моим наблюдениям, излюбленными и для слушателей и для исполнителей являются такие литературные произведения, где автор живописует своих персонажей...

Внешние образы героев приходится передавать по радио только голосовыми средствами. Хитрость или бурлескный нос Кола Брегона, его жеманность...

Годами передавалась в эфир постановка «Вражий солдат Швейк» по Я. Хашеку, — она прошла свыше 120 раз.

Теперь по радио можно услышать монтаж и сцены из лучших спектаклей, идущих на сценах Москвы и Ленинграда («Театр у микрофона»)...

Эти литературные передачи вызвали целый поток писем и явились ярким выражением тесного общения советской литературы с широчайшими массами читателей и слушателей.

Лев Кассиль

Всесветное слово

Двадцать лет назад в наш дом вошло чудо. На первых порах оно завладело собою едва различимым шепотом. Надо было принасть ухом к черной эбонитовой чашке...

Потом, однажды, мы услышали у себя дома, за столом, слабо доносившуюся до нас музыку. Анатолий Васильевич Луначарский сказал нам издали о значении радио для культуры.

Да, это было не только комфортабельное новшество быта, не только техническое чудо! Радио у нас сразу превратилось в могучее средство всемирной пропаганды...

С каждым годом радиопередачи становятся все разнообразнее, богаче, интереснее. На самых дальних окраинах страны уже хорошо знали «голос» популярных дикторов московских радиостанций...

Литературная газета

Литература по радио

Владимир Маяковский часто выступал по радио. Многие радиорепетиции помнят, как приходил он в редакцию «Рабочей радиогазеты» и, сидя на утолчке стола, читал письма радиослушателей...

В разделе «Советская литература» введена передача нового жанра — «Из записной книжки советского писателя». Это писательские очерки, написанные от первого лица, в которых шире и глубже, чем в обычном газетном очерке, писатель говорит о каких-то своих впечатлениях, наблюдениях, сделанных на фронте и в тылу.

Большое место в литературном радиовещании занимают литературно-драматические передачи. Возможности радио позволяют пережить со сцены в радиостудию любой театральный спектакль.

По разделу драматических передач, кроме радиоспектаклей, перенесенных из театра, прокатывают собственные радиостанции, которые готовятся на литературном материале, специально написанном для радио с учетом специфики и возможностей радиопредставления.

В заключение — о тех, кто несет народу «слышимое слово, слышимую поэзию», о чтецах литературного материала. За 20 лет советского радиовещания определился коллектив исполнителей, которых советский радиослушатель полюбил за их мастерскую работу у микрофона.

Средствами художественного слова говорить народу о нем — большая, почетная задача. Когда думаешь об этом, знаешь, что работать над этим надо и еще больше и лучше.

Лев Кассиль

Писатели выступают перед микрофоном в студии Всесоюзного радиокomitea. На снимке (слева направо): Леонид СОБОЛЕВ, Агния БАРТО и Лев КАССИЛЬ.

Горбатов. «Они сражались за родину Шолохова, новые главы исторического романа «Египетский» А. Толстого и другие. Эти «передачи с продолжением» быстро завоевали популярность среди радиослушателей.

В разделе «Советская литература» введена передача нового жанра — «Из записной книжки советского писателя». Это писательские очерки, написанные от первого лица, в которых шире и глубже, чем в обычном газетном очерке, писатель говорит о каких-то своих впечатлениях, наблюдениях, сделанных на фронте и в тылу.

По разделу драматических передач, кроме радиоспектаклей, перенесенных из театра, прокатывают собственные радиостанции, которые готовятся на литературном материале, специально написанном для радио с учетом специфики и возможностей радиопредставления.

В заключение — о тех, кто несет народу «слышимое слово, слышимую поэзию», о чтецах литературного материала. За 20 лет советского радиовещания определился коллектив исполнителей, которых советский радиослушатель полюбил за их мастерскую работу у микрофона.

Средствами художественного слова говорить народу о нем — большая, почетная задача. Когда думаешь об этом, знаешь, что работать над этим надо и еще больше и лучше.

Лев Кассиль

По пути на аэродром, в трамвае, я обратил внимание на двух бойцов, сидевших друг против друга и смотревших в окна. Один из них, молодой, прижался к стеклу — так и не увидел его лица, другой, голый перерыв в отцы, откинулся на спинку сиденья.

Наконец, старший посмотрел на меня, и я почувствовал в его робкой улыбке, в его длительном и доверчивом взгляде желание что-то сказать.

Третий день не спал в трамвае. Все по Москве смотрю, — сказал он. И, молча, немного, не уверенный в том, что его слова понятны, добавил: — Мы всю войну на Северном фронте, на Финском, в скалах проходили, а теперь — в отпуску. На восемь дней. Вот все едем в трамвае и смотрим на Москву...

Эта встреча как-то вспоминалась мне потом на фронте. Какую огромную притягательную силу таит в себе наша столица. Сколько раз, узнав, что мы из Москвы, люди смотрели на нас, точно завороженные, с какой-то ослепительной радостью.

В ходе обозрения упоминается Арбат, Сокол, Никитская улица, Краснопрудная. По окончании одного из спектаклей к актерам за кулисы пришел рослый майор: тотом интимнейшего признания он сказал: «А я живу на Красносельской».

Как уживается в душе нашего бойца, командира эта сентиментальность с непокидающим его ожесточением, яростью в кровавых битвах? Мужественно смотреть в лицо смерти, из года в год, годами продолжать мимолетные мимолетные пожары и разрушения, смерти, отрубать в суровом фронтовом быту и в то же время оставаться таким незаметным от душевной ранности...

Один боец сказал мне, что он забыл всю довоенную жизнь. Как будто ее и не было. Так все это давно, так далеко. И вот из этого далекого, забытого мира, из далекого, забытого мира, из далекого, забытого мира, из далекого, забытого мира...

В Дембо — знаменитый лагерь, в котором немцы готовили армяно-турецкого в России. Это целый город в лесу с примитивными, с сотнями больших барачков, с многоэтажными зданиями. Здесь хозяйничал Паулюс. Его армия вторжения действительно вторглась в русскую землю, но глубже, чем предполагала. Это глубина могилы.

В Дембо армяно-турецкий лагерь не только на полигонах и в казармах, но и в театре. Вот он, театр, выстроенный немцами для культуры чужеземцев. Крылатая фраза — «когда я слышу слово культура, я хватаюсь за револьвер» — не раз шипела слухом в этих подмошках.

Но уже давно выветрился из здания удушья, мертвый воздух немцы, и сейчас наши актеры играют здесь веселый, трогательный и поистине вахтанговский спектакль «Где-то в Москве». В зрительном зале — маршал Конев, офицеры и солдаты Красной Армии.

Трудно сказать, в чем секрет успеха артиста Соловьева. Трудно потому, что успех начинается с первой реплики. Только-только открылся занавес. Важный, безмятежный носильщик Киевского вокзала еще ничем себя не проявил, а в публике вахтанговский спектакль «Где-то в Москве».

Этот контраст дополняется еще и другими. В адресном списке дорожный невозмутимый носильщик сталкивается с остроумно бесконечной содружницей, беспорядочно ломающей руки. Словной комок черной омынутой льняной ткани, как и наугад, он до смерти прижимает все коммунальные кухни всего театра старую сконденсированную уютную фигуру, в которой острая артистка А. Данилович салпа «волебно живое существо с законченной карикатурой».

Как у хороших писателей герой маленького рассказа быстрое раскрытие до такой степени ясно и полно, что нам кажется, будто мы прожили с ним всю жизнь, так иногда актер удается, заполнив сцену на десять минут, создать тип, понятный нам до конца во всех его чертах. Такой редкой удачей, безусловно, может похвалиться артист В. Покровский, играющий в обзорной роли пожилого рабочего Смирнова. В маленьком эпизоде — весь человек. Широкий круг интереса: доморощенный полуник, легкая возбудимость Смирнова, сентиментальность, мальчишеское озверение, лиризм, горячая отцовская любовь и советская, протекторская природа его честолюбия — все светится в мягком юморе актера.

Покровскому горячо и долго аплодируют, а за кулисами уже ждет своего выхода артист И. Липский, который в этом спектакле самому рафинированному театральному зрителю доставит истинное наслаждение. Образ режиссера в сцене, проводящей опереточный театр, великолепен. Сочетание физиономии, изумрудной капризы примадонны, рабски умоляющей почти плачущей физиономии с легкой подвижной, музыкально-танцевальной фигурой создает удивительный по комизму эффект. На вопрос, как какой национальности принадлежит этот тип, — я ответил бы — опереточной. Его можно встретить в Вене, в Стамбуле, в Москве, в Париже, и всюду за кулисами оперетты он дома. Банальная, примелькавшаяся фигура. Вы видите носик и его самого, и его дорожный чемодан. Но вот как оригинально можно изобразить штампы!

И не могу в этом очерке дать подробную критическую оценку спектаклю «Где-то в Москве», который вахтанговцы привезли на сцену фронтовых театров, и отмечаю только лучшие его моменты. Но все участники спектакля должны быть здесь названы. Режиссеры А. Ремизова и А. Габович, артисты Т. Бляжина, А. Бархударова, В. Васильева, А. Данилович, В. Данчева, М. Оболтенская, А. Граве, Б. Колмогоров, А. Котрелев, И. Липский, Н. Мокрый, И. Мочалов, В. Москвин, В. Покровский, И. Соловьев — эти имена хорошо знают на 1-м Украинском фронте.

В Дембо, как и всюду, зрители покидали театр, восторженно разочарованные. Мало, мало, одного спектакля. Еще бы один. Еще один. Поэты, и пусть один и тот же. Ни один человек не покинул бы зала.

Но вахтанговцы уже закончили свою очередную поездку по фронту, и усевшись в грузовик, мы покидаем лагерь. На перекрестке своих актеров и почти без пропусков смотрят спектакли, которые игрались уже десятки и сотни раз, после чего следуют неизбежные разговоры об утраченном и найденном.

Ночью в избах или во время перевалов на грузовике я прослушал множество рассказов о трехлетнем пребывании вахтанговцев на войне. Это страницы из истории советского спектакля. Вахтанговцы прошли путь 1-го Украинского фронта. Вместе с войсками входили в Харьков, в Киев. Они играли в километре от переднего края. Испытали на себе вахтанговцы и самые тяжелые моменты отступления.

Слушая эти воспоминания, я понял, что директор фронтового театра — это командир части. И. Спектор возложил на свои плечи огромную ответственность. Без особых личных его качеств нельзя было установить ту крепкую, но нежную и подавляющую дисциплину, которая позволила коллективу вахтанговцев совершить столько, может быть, главное дело в своей жизни.

18 февраля исполняется три года пребывания вахтанговцев на фронте. Три года напряженнейшего труда в самых трудных и часто опасных условиях, и все-таки при каждом возвращении в Москву для пополнения репертуара актеры очень скоро начинают испытывать непреодолимую тягу на фронт. Их тянет туда зритель, которому они приносят радость. Их тянет туда потребность много, часто играть, ежедневно ощущая свое место и роль в жизни народа. Их тянет туда война, участие в которой не может не оставить глубоких следов в сердце художника и не обогатить его искусство.

Эти сценарные актеры обратны на фронт глубже и полнее любых рассуждений отвечает на вопрос, что значит фронт для театра.

Единственное, что порою беспокоит фронтовых-вахтанговцев, да и всех актеров, работающих на фронте, — это место о своей творческой работе после окончания войны.

Многие актеры фронтовых театров, обнаружившие не только незаурядные дарования, но и зрелое мастерство, раньше не были нам известны. Они играли мало, вынужденные годами уступать место немногим популярным именам.

Неужели после войны придется вернуться к такому же положению?

Носильщик (арт. И. Соловьев) в спектакле «Где-то в Москве». Вахтанговская «Где-то в Москве». Рис. А. КОТМОЛОПКОГО.

Режиссер оперетты (артист И. Липский) в спектакле «Где-то в Москве». Фронтовой филиал Театра им. Вахтангова (худ. рук. А. Орочко). Рис. А. КОТМОЛОПКОГО.

подпирают стены, одно и то же место, вопреки закону физики, занимают два физических тела. Даже у накаленной железной бочкой (печь) сгрудились бойцы. Им кричат: спорите! но они, облившиеся потом, не отрывая глаз от закрытой еще сцены, только отмахиваются руками. В двух шагах от печи холодно. Холодно на сцене. Актрисы надевают шелковые платья на шерстяные джемперы. Но лишь только раздвигается занавес, как исчезает сарай и его температура. Зрители и актеры встретились глазами. Есть контакт! Каждая шутка, каждое смешное положение вызывает влыв хохота, который рассыпается по всему залу. Ни один смеймер не выдержал бы этого мощного удара. Так смеются люди, пришедшие сюда за Вислу, с медалями за оборону Сталинграда!

На обратном пути вахтанговцы играли в Дембо, Дембо — знаменитый лагерь, в котором немцы готовили армяно-турецкого в России. Это целый город в лесу с примитивными, с сотнями больших барачков, с многоэтажными зданиями. Здесь хозяйничал Паулюс. Его армия вторжения действительно вторглась в русскую землю, но глубже, чем предполагала. Это глубина могилы.

В Дембо армяно-турецкий лагерь не только на полигонах и в казармах, но и в театре. Вот он, театр, выстроенный немцами для культуры чужеземцев. Крылатая фраза — «когда я слышу слово культура, я хватаюсь за револьвер» — не раз шипела слухом в этих подмошках.

Но уже давно выветрился из здания удушья, мертвый воздух немцы, и сейчас наши актеры играют здесь веселый, трогательный и поистине вахтанговский спектакль «Где-то в Москве». В зрительном зале — маршал Конев, офицеры и солдаты Красной Армии.

Трудно сказать, в чем секрет успеха артиста Соловьева. Трудно потому, что успех начинается с первой реплики. Только-только открылся занавес. Важный, безмятежный носильщик Киевского вокзала еще ничем себя не проявил, а в публике вахтанговский спектакль «Где-то в Москве».

Этот контраст дополняется еще и другими. В адресном списке дорожный невозмутимый носильщик сталкивается с остроумно бесконечной содружницей, беспорядочно ломающей руки. Словной комок черной омынутой льняной ткани, как и наугад, он до смерти прижимает все коммунальные кухни всего театра старую сконденсированную уютную фигуру, в которой острая артистка А. Данилович салпа «волебно живое существо с законченной карикатурой».

Как у хороших писателей герой маленького рассказа быстрое раскрытие до такой степени ясно и полно, что нам кажется, будто мы прожили с ним всю жизнь, так иногда актер удается, заполнив сцену на десять минут, создать тип, понятный нам до конца во всех его чертах. Такой редкой удачей, безусловно, может похвалиться артист В. Покровский, играющий в обзорной роли пожилого рабочего Смирнова. В маленьком эпизоде — весь человек. Широкий круг интереса: доморощенный полуник, легкая возбудимость Смирнова, сентиментальность, мальчишеское озверение, лиризм, горячая отцовская любовь и советская, протекторская природа его честолюбия — все светится в мягком юморе актера.

Покровскому горячо и долго аплодируют, а за кулисами уже ждет своего выхода артист И. Липский, который в этом спектакле самому рафинированному театральному зрителю доставит истинное наслаждение. Образ режиссера в сцене, проводящей опереточный театр, великолепен. Сочетание физиономии, изумрудной капризы примадонны, рабски умоляющей почти плачущей физиономии с легкой подвижной, музыкально-танцевальной фигурой создает удивительный по комизму эффект. На вопрос, как какой национальности принадлежит этот тип, — я ответил бы — опереточной. Его можно встретить в Вене, в Стамбуле, в Москве, в Париже, и всюду за кулисами оперетты он дома. Банальная, примелькавшаяся фигура. Вы видите носик и его самого, и его дорожный чемодан. Но вот как оригинально можно изобразить штампы!

И не могу в этом очерке дать подробную критическую оценку спектаклю «Где-то в Москве», который вахтанговцы привезли на сцену фронтовых театров, и отмечаю только лучшие его моменты. Но все участники спектакля должны быть здесь названы. Режиссеры А. Ремизова и А. Габович, артисты Т. Бляжина, А. Бархударова, В. Васильева, А. Данилович, В. Данчева, М. Оболтенская, А. Граве, Б. Колмогоров, А. Котрелев, И. Липский, Н. Мокрый, И. Мочалов, В. Москвин, В. Покровский, И. Соловьев — эти имена хорошо знают на 1-м Украинском фронте.

В Дембо, как и всюду, зрители покидали театр, восторженно разочарованные. Мало, мало, одного спектакля. Еще бы один. Еще один. Поэты, и пусть один и тот же. Ни один человек не покинул бы зала.

Но вахтанговцы уже закончили свою очередную поездку по фронту, и усевшись в грузовик, мы покидаем лагерь. На перекрестке своих актеров и почти без пропусков смотрят спектакли, которые игрались уже десятки и сотни раз, после чего следуют неизбежные разговоры об утраченном и найденном.

Ночью в избах или во время перевалов на грузовике я прослушал множество рассказов о трехлетнем пребывании вахтанговцев на войне. Это страницы из истории советского спектакля. Вахтанговцы прошли путь 1-го Украинского фронта. Вместе с войсками входили в Харьков, в Киев. Они играли в километре от переднего края. Испытали на себе вахтанговцы и самые тяжелые моменты отступления.

Слушая эти воспоминания, я понял, что директор фронтового театра — это командир части. И. Спектор возложил на свои плечи огромную ответственность. Без особых личных его качеств нельзя было установить ту крепкую, но нежную и подавляющую дисциплину, которая позволила коллективу вахтанговцев совершить столько, может быть, главное дело в своей жизни.

О том, что значит театр для фронта, лучше нас когда-нибудь расскажут сами фронтовики.

Несколько слов о том, что значит фронт для театра.

Размеры театра здесь меняются с временами года. То на лоне природы, то в деревенской избу, он бывает и больше Большого и во много раз меньше Цыганского. Уже писалось о красочных спектаклях на зеленых полянках, с многоэтажным зрителем, под освещением лучами солнца. Но помимо яркого освещения фронтового спектакля у солнца есть, повидному, еще какие-то дела. Заведующий постановочной частью П. Сентюлов рассказывал мне, как мрачные дождевые тучи пытались смешать волшебный ящик театра с грязью, как ему и его помощникам приходилось вести отчаянную борьбу с ветрами, которые грозили на раздувающих красочных парусах декораций унести спектакль в Н-ском направлении.

Но никакая стихия, никакие ветры не способны оказать на актера такого сильного давления, какое испытывает он в тесноте зрительного зала. В «Свадебном путешествии» однажды из-за недостатка места вместо кровати студенческого общежития были поставлены три табурета. Пришлось спать сидя, а сидеть... стоя. Я видел подобный спектакль («Не в своем сани не садись»), Митя Литово глумился, актер при свете лампочки в комнате, где навалились три эвакуированные из фронтовой почты семьи. Маленькие дети. Корыто с бельем. Собака. Тут же «развернула» свое хозяйство заведующая костюмерной Софья Васильевна Верейкина.

Другую комнату — зрительный зал и сцена — поделили между собой пополам «малейшего промехутка». Публики — 35 человек, но среди них двенадцать прославленных генералов. Один из зрителей первого ряда, увлекшись спектаклем, положил ногу на ногу и этим вторгся за рампу, угрожая изменить все мизансцены. Пришлось шопотом попросить товарища переменить ногу со сцены... в зрительный зал. Вспомнить об этом забавно, но каково в таких условиях играть в Москве-Винну? Созданный им цельный, законченный образ купца Русакова требует большой внутренней сосредоточенности. Каково Блаженный, лучшей в роли Авдотьи Максимовны настоящих, искренних слезами. В. Данчева, эксцентрическая игра и грим которой требуют хотя бы некоторого расстояния, каково Бр. Лебедев, Граве или Соловьев, которому в роли пьяного катанчика негде разгуляться даже на большой сцене.

К необычайно трудным условиям работы актеров на фронте нужно еще прибавить и трудности личного быта. Три года на грузовике! По дорогам и бездорожьям, со взлетами и падениями, которые не всегда кончались благополучно. Ночевки в избах, на соломе, по пять, по восемь человек рядышком. День, когда играет один, а не два или даже три спектакля, считается днем отъезда. День, когда нет спектакля, — пропадание.

Крошась бы, предъявлять здесь актерам строгие требования бессмысленно. А между тем в коллективном дневнике вахтанговцев ежедневно отмечается «температура» спектакля, ее положение и подвиги. Как часто встретите вы здесь фразу: «Сегодня ответственный спектакль». Ответственный потому, что смотрят генералы, ответственный потому, что бойцы с передовой, ответственный потому, что ранение.

Лучшим доказательством этого повышенного чувства ответственности является тот факт, что режиссер театра — Ремизова и Габович — неустойчиво сопротивляются по поводу своих актеров и почти без пропусков смотрят спектакли, которые игрались уже десятки и сотни раз, после чего следуют неизбежные разговоры об утраченном и найденном.

Ночью в избах или во время перевалов на грузовике я прослушал множество рассказов о трехлетнем пребывании вахтанговцев на войне. Это страницы из истории советского спектакля. Вахтанговцы прошли путь 1-го Украинского фронта. Вместе с войсками входили в Харьков, в Киев. Они играли в километре от переднего края. Испытали на себе вахтанговцы и самые тяжелые моменты отступления.

Слушая эти воспоминания, я понял, что директор фронтового театра — это командир части. И. Спектор возложил на свои плечи огромную ответственность. Без особых личных его качеств нельзя было установить ту крепкую, но нежную и подавляющую дисциплину, которая позволила коллективу вахтанговцев совершить столько, может быть, главное дело в своей жизни.

18 февраля исполняется три года пребывания вахтанговцев на фронте. Три года напряженнейшего труда в самых трудных и часто опасных условиях, и все-таки при каждом возвращении в Москву для пополнения репертуара актеры очень скоро начинают испытывать непреодолимую тягу на фронт. Их тянет туда зритель, которому они приносят радость. Их тянет туда потребность много, часто играть, ежедневно ощущая свое место и роль в жизни народа. Их тянет туда война, участие в которой не может не оставить глубоких следов в сердце художника и не обогатить его искусство.

Эти сценарные актеры обратны на фронт глубже и полнее любых рассуждений отвечает на вопрос, что значит фронт для театра.

Единственное, что порою беспокоит фронтовых-вахтанговцев, да и всех актеров, работающих на фронте, — это место о своей творческой работе после окончания войны.

Многие актеры фронтовых театров, обнаружившие не только незаурядные дарования, но и зрелое мастерство, раньше не были нам известны. Они играли мало, вынужденные годами уступать место немногим популярным именам.

Неужели после войны придется вернуться к такому же положению?

Носильщик (арт. И. Соловьев) в спектакле «Где-то в Москве». Вахтанговская «Где-то в Москве». Рис. А. КОТМОЛОПКОГО.

Режиссер оперетты (артист И. Липский) в спектакле «Где-то в Москве». Фронтовой филиал Театра им. Вахтангова (худ. рук. А. Орочко). Рис. А. КОТМОЛОПКОГО.

подпирают стены, одно и то же место, вопреки закону физики, занимают два физических тела. Даже у накаленной железной бочкой (печь) сгрудились бойцы. Им кричат: спорите! но они, облившиеся потом, не отрывая глаз от закрытой еще сцены, только отмахиваются руками. В двух шагах от печи холодно. Холодно на сцене. Актрисы надевают шелковые платья на шерстяные джемперы. Но лишь только раздвигается занавес, как исчезает сарай и его температура. Зрители и актеры встретились глазами. Есть контакт! Каждая шутка, каждое смешное положение вызывает влыв хохота, который рассыпается по всему залу. Ни один смеймер не выдержал бы этого мощного удара. Так смеются люди, пришедшие сюда за Вислу, с медалями за оборону Сталинграда!

